

Когда Лэй Лижэнь выбрался из бочки с лечебным отваром, силы окончательно оставили его.

Разорванные меридианы срастались буквально по крупикам. Этот процесс сопровождался невыносимой болью, но вместе с ней крепла и надежда.

В ущелье под утёсом они провели целый месяц. Лэй Лижэнь ежедневно принимал травяные ванны и терпел бесконечные сеансы иглоукалывания, пока его тело попросту не онемело, перестав реагировать на мучения.

Огромное количество целебных пилюль сделало своё дело: его закалка заметно улучшилась. Хотя даже со сломанными меридианами он мог вести обычную жизнь, теперь под этим подразумевалось совсем другое. Благодаря интенсивному лечению к нему наконец вернулось то забытое ощущение силы и упругости в мышцах, которое так резко отличало любого практика от простого смертного.

Ему предстояло начать путь боевых искусств с самого начала, но для Лэй Лижэня это не было преградой. Ведь когда-то он уже сумел пробиться на уровень Закалки тела.

Путь истинного мастера начинался лишь после того, как в его теле зарождалась изначальная энергия — юаньци. До этого момента любому практику требовалось преодолеть две базовые ступени: Закалку тела и Закалку духа.

«Зарождается изначальная энергия, и рождается Сфера Инь-Ян. Три оборота Цянькунь, девять оборотов Изящества. Сливаются Небо и Земля, воссияют Солнце и Луна, и когда угаснет всё сущее — свершится Великое Дао». Пройдя через эти грандиозные испытания, практик достигал вершины мастерства и становился Богом Войны.

За всю историю этого мира истинных Богов Войны можно было пересчитать по пальцам. Без исключения каждый из них становился величайшим столпом своей эпохи, а в их честь люди возводили величественные Храмы Бога Войны, куда стекались тысячи паломников, чтобы вознести молитвы и выразить почтение.

Именно этот уровень силы являлся абсолютным пиком в романе «Боевое зло».

Лэй Лижэнь достиг первой ступени Закалки тела всего в восемь лет. Пусть он и не успел пробиться на второй уровень, среди сверстников он всё равно считался невероятным гением.

Большинство детей в посёлке Селань начинали тренировки уже в три года, но до прорыва они оставались обычными людьми. Лишь переступив порог Закалки тела, ребёнок мог официально именоваться практиком.

Главное отличие практика от обывателя крылось в физической силе, далеко превосходившей любые человеческие лимиты. С точки зрения Го Нуаня, человека из современного мира, подобные сверхспособности казались немыслимыми. Однако на страницах «Боевого зла» люди с лёгкостью крушили привычные рамки возможного. Сильные практики в бою могли раскалывать крепчайшие валуны, голыми руками ломать закалённую сталь, крушить землю под ногами и заставлять облака расступаться от одного взмаха руки.

Поскольку Лэй Лижэнь уже однажды прошёл этот путь, вернуть утраченное для него не составляло труда. Спустя две недели интенсивного лечения мальчик приступил к простейшим физическим упражнениям.

Тогда же Чжан Мяо обучил его особому методу созерцания и нескольким боевым приёмам. Мальчик без колебаний опустился на колени и трижды ударил челом о землю, выражая глубокую признательность старому слепцу и признавая его своим наставником.

Старик не стал отказываться, но и согласия своего не выразил. Он лишь негромко произнёс:

— Этот метод созерцания веками передавался в моей семье. Если в будущем кто-нибудь спросит, откуда ты его узнал, никогда не упоминай моего имени. Иначе накличешь на себя смертельную беду.

Лэй Лижэнь, разумеется, пообещал хранить тайну.

Жизнь под обрывом текла тихо и безмятежно. Кажется, Лэй Лижэнь ещё никогда не знал столь спокойных дней, когда никто не пытался причинить ему вред. Только они вчетвером — двое стариков, мальчик и собака. С рассветом они отправлялись к озеру, с закатом возвращались, и берег водоёма то и дело оглашался весёлым лаем Го Нуаня, пока они с хозяином ловили рыбу. И хотя Лэй Лижэнь ни разу не улыбнулся, Чжан Мяо и Мудрец медицины Ян Синъи всегда безошибочно улавливали ту лёгкость и умиротворение, что постепенно наполняли израненную душу ребёнка.

Но счастливые мгновения не могут длиться вечно. Как только Лэй Лижэнь окончательно окреп, старик решил, что пора возвращаться.

Когда Чжан Мяо легко, словно пушинку, подхватил мальчика вместе со щенком и в несколько прыжков взлетел по отвесной скале, Го Нуань едва не лишился дара речи от возмущения.

«Если ты умеешь летать вверх, почему мы, чёрт возьми, ковыляли сюда пешком?! — мысленно взывл пёс. — Почему нельзя было сразу спустить нас нормально?»

Логика этого мира оставалась для него полной загадкой.

Едва они ступили под сень пригородного леса, как чуткий слух Чжан Мяо уловил далёкие

шорохи. Подобное под силу лишь мастеру с невероятно глубоким уровнем совершенствования.

Лэй Лижэнь и Го Нуань лишь недоумённо переглянулись, не понимая, почему старик внезапно замер на месте.

— Дальше идите сами, у меня появились дела, — глухо произнёс Чжан Мяо. — Хорошенько подумай, как тебе жить дальше. Надеюсь, наступит день, когда твоё имя прогремит в каждом уголке этого континента.

Мальчик понял, что старик прощается с ним насовсем. Сердце его сжалось от подступивших чувств, но он лишь тихо вымолвил:

— Спасибо вам.

Старик небрежно махнул рукой и мгновенно растворился среди деревьев. В лесной глуши снова остались только ребёнок и собака.

Го Нуань осторожно потянул зубами Лэй Лижэня за край штанины, стараясь утешить его: «Эй, не грусти. У тебя всё ещё есть я».

Мальчик с непроницаемым лицом посмотрел на Го Нуаня. В его тёмных глазах читалось нечто такое, чего пёс разгадать не мог. Прочитав больше половины «Боевого зла», Го Нуань искренне считал, что понимает характер этого будущего злодея. Но сейчас он осознал, что совершенно не может разгадать мысли своего хозяина. Ему оставалось лишь выражать поддержку доступными способами — раз уж не дотянуться, чтобы лизнуть в лицо, можно хотя бы потереться о ногу.

Лэй Лижэнь молча посмотрел на щенка, затем отвёл взгляд и уверенно зашагал вперёд. Го Нуань поспешил следом.

В романе эта сцена была расписана во всех подробностях, но именно это абсолютное совпадение реальности с книжными строками пугало Го Нуаня сильнее всего. Это лишь подтверждало его худшую догадку. Пусть в самом начале и произошли некоторые отклонения, этот мир упрямо возвращался на рельсы, проложенные автором «Боевого зла». Сюжет развивался строго по плану, и от мысли о том, через какие испытания вскоре придётся пройти Лэй Лижэню, у Го Нуаня щемило сердце.

Маэстро Гэань Цзян когда-то писал в примечаниях, что книга — это всего лишь вымысел, не имеющий ничего общего с реальной жизнью. Но для Го Нуаня, заядлого отаку, любое произведение, будь то роман или аниме, созданное человеком для описания целой вселенной, всегда оставалось живым и реальным миром, пусть даже с кучей сюжетных дыр и логических нестыковок.

Однако в этом мире всё казалось слишком уж искусственным, словно подстроенным чьей-то злой волей. С какими бы намерениями Гэань Цзян ни создавал эту историю, нельзя было не признать его писательский талант. Ирония судьбы заключалась в том, что все страдания главного героя выглядели настолько кинематографично и выверено, что невольно возникал вопрос: неужели реальная жизнь может быть настолько театральной и жестокой?

С этого момента все крупинки тепла и доверия, которые ещё теплились в душе Лэй Лижэня, начнут безжалостно рушиться. Его прошлая жизнь и без того напоминала сплошную трагедию, но будущие события обещали стать настоящим кошмаром — кошмаром, который в итоге заставит его утопить в крови весь этот мир.

В Селане любой, кто проявлял к мальчику искреннее сочувствие и заботу, был обречён на мучительную смерть, а те, кого он считал своими защитниками, рано или поздно сбрасывали маски, обнажая гнилую, корыстную сущность. Жители этого посёлка, прикрываясь напускным благочестием, на деле оказывались жестокими и завистливыми эгоистами. Вся жизнь Лэй Лижэня превращалась в одну затяжную катастрофу.

Го Нуань не понимал, зачем Гэань Цзян создал столь мрачную вселенную. Неужели только ради того, чтобы потешить свои скрытые тёмные фантазии? Но у каждого мира должна быть причина для существования. Автор не слишком усердствовал в описании бытовых деталей, однако пейзажи у него всегда выходили на удивление живыми, тёплыми и светлыми, что разительно контрастировало с душевной гнилью персонажей.

Эти редкие поэтичные мазки заставляли Го Нуаня верить, что в глубине души Гэань Цзян всё же оставался светлым человеком, а все эти ужасы — лишь проявление его весьма специфического чувства юмора. Собственное перерождение в теле жёлтого щенка лишний раз доказывало, что у автора были весьма странные вкусы. Если бы кто-то попытался убедить Го Нуаня, что это не проделки создателя романа, он бы ни за что не поверил.

«Боевое зло» стало дебютной работой Гэань Цзяня, но многие читатели на форумах подозревали, что за этим псевдонимом скрывается какой-то именитый мастер, решивший дать волю фантазии. Слишком уж хорош был слог и выверен сюжет. Правда, моральный посыл и откровенные логические дыры вызывали массу споров, но в подобных веб-романах на такие мелочи, как правило, закрывали глаза, если у героя был достаточно мощный золотой палец.

Покинув ущелье, Лэй Лижэнь делал первые шаги навстречу своей судьбе. И пусть впереди его ждал сущий ад, Го Нуань испытывал странное облегчение от того, что сможет пройти этот путь рядом с ним. Пусть от маленькой собаки мало толку, это всё же лучше, чем позволить мальчику нести это тяжкое бремя в полном одиночестве.

— Гав! Гав! — «Держись, Лэй Лижэнь! Когда ты станешь великим Богом Войны и оглянешься назад, ты поймёшь, что всё это было не проклятием, а лишь суровой закалкой. Без этой боли ты никогда бы не взойшёл на вершину».

Мальчик, конечно же, не понял собачьего лая и привычно проигнорировал его, мысленно

прикидывая, как ему поступить дальше. Если он хочет по-настоящему овладеть боевыми искусствами, ему просто необходимо попасть в Академию боевых искусств.

Из-за постоянных козней сородичей Лэй Лижэнь так и не получил официального разрешения на обучение. Академия боевых искусств хоть и не подчинялась напрямую семье Лэй, предпочитала лишний раз не ссориться с влиятельным кланом и послушно закрывала глаза на происходящее.

Чтобы поступить туда, требовалось рекомендательное письмо от старейшин семьи. Академия строго следовала правилам: дети без клановой поддержки или официальной прописки в посёлке не имели ни единого шанса переступить её порог. Подобная система лишь укрепляла и без того незыблемый авторитет правящих семейств.

При этом Академия боевых искусств занимала в Селане совершенно особое положение. Она не принадлежала какому-то конкретному клану — здесь обучались все способные дети посёлка. Те, кто усердно тренировался и достигал определённых высот, впоследствии получали шанс продолжить обучение в элитных школах и сектах на всём континенте Цзолань.

Это учебное заведение принадлежало всей общине, хотя три главные силы посёлка, разумеется, имели решающий голос в её делах.

Первым делом Лэй Лижэню нужно было встретиться с главным инструктором Академии по имени Фэн Син.

Фэн Син не был уроженцем Селаня. Он приехал из далёкого города, расположенного за тысячи ли отсюда, где долгое время командовал городской стражей Юланя. Выйдя в отставку, он принял щедрое предложение руководства Академии Селаня и занял пост главного инструктора.

Поскольку он не был связан родственными узами ни с одной из местных семей, Фэн Син всегда поступал исключительно по совести, оставаясь справедливым и беспристрастным. В Селане он пользовался безупречной репутацией, но это была лишь внешняя сторона медали. Втайне главы всех трёх влиятельных кланов уже давно точили на него зуб за излишнюю независимость. Даже в этом крошечном, затерянном среди холмов посёлке социальные связи и интриги оказались невероятно запутанными.

<http://bllate.org/book/20621/2167716>